

Ледяной дом. Сочинение И. И. Лажечникова... Басурман. Сочинение И. Лажечникова

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ЛЕДЯНОЙ ДОМ. Сочинение И. И. Лажечникова. Москва. 1835--1838. Четыре части.

БАСУРМАН. Сочинение И. Лажечникова. Москва. 1838. Четыре части.

Вот уже третий роман¹ издан г. Лажечниковым,-- и слава его растет все более и более. Общий голос утвердил за ним почетное титул *первого* русского романиста, и добросовестная критика, чуждая личных отношений и литературного пристрастия, всегда подтвердит приговор публики, если только она -- добросовестная критика. Разумеется, это первенство, по сущности своей, есть относительное, хотя, по хронологии истории нашей литературы, и безусловное. Мы хотим этим сказать, что, говоря о г. Лажечникове как о первом русском романисте, мы отнюдь не имеем в виду писателей повестей, но только одних романистов, и отнюдь не видим в нем идеала романистов, но только лучшего русского романиста. Мы не будем сравнивать его с Вальтер Скоттом и Купером, потому что можно, и не тягаясь с этими двумя вековыми исполинами-художниками, быть примечательным романистом вообще и первым, то есть лучшим во всякой литературе, кроме английской. Мы не будем также говорить с лукавою ирониею, что романы г. Лажечникова лучше романов Евгения Сю, Виктора Гюго, Бальзака и прочих, потому что если бы его романы были не только хуже, но даже не были бы лучше романов этих корифеев беспутной французской литературы, то мы не почли бы их слишком завидным приобретением для русской литературы и не стали бы о них много хлопотать. Еще менее намерены мы, выписавши из романов г. Лажечникова несколько изысканных выражений или вычурных фраз, которых они в самом деле очень не чужды, изречь ему грозный приговор или -- что еще хуже -- побранивши его за недостатки, похвалить за достоинства, как учитель бранит и хвалит своего ученика за ученическую задачу, пополам с грехом оконченную². От последней проделки с нашей стороны г. Лажечникова защищает его огромная известность и громкий авторитет у публики, а еще более одно, по-видимому, маленькое, но в самом-то деле очень важное обстоятельство, а именно: мы сами не пишем романов, и г. Лажечников не перебивает у нас дороги. Вот если бы мы вздумали написать или (все равно!) дописать какой-нибудь роман, что-нибудь вроде Евгения Сю, примиренного с Августом Лафонтеном, и в этом романе вывели бы героем какого-нибудь недопеченного поэта³, который "хочет заняться чем-нибудь высоким" и жалуется, что "светская чернь его не понимает"⁴, бранит гражданское устройство, которое мешает без актов и записей жениться, одним словом, презирает бедную землю, на которой если забудешь дней пяток поест, то непременно умрешь, и смотрит заживо на небо, где нет ни форм, ни обрядов... О, тогда плохо бы пришлось от нас г. Лажечникову: мы умели бы его отделать в коротенькой библиографической статейке... Но чего нет, о том нечего и говорить, и так как нам ничто не мешает наслаждаться прекрасным поэтическим талантом г. Лажечникова и ценить его, то и приступим к делу,-- назовем хорошее хорошим, а дурное дурным; за первое от души поблагодарим автора, а за второе от души извиним его, ради первого.

В самом деле, при оценке романов г. Лажечникова главный и первый труд должен состоять в отделении достоинств от недостатков. Нам скажут: да в этом-то и состоит задача всякой критики. Не будем возражать на подобное возражение: у нас понятия о критике совсем другие, но мы пока побережем их про себя, потому что излишняя отчетливость повела бы нас слишком далеко и отбила бы от предмета. И потому *пока* мы условимся, что дело критики есть отделение красот от недостатков в произведении искусства, а мерка при этом химическом процессе -- личное ощущение критика. Дюпен издал карту народного просвещения Франции, оттенив колоритом отношения образованности в различных департаментах, то есть самые образованные департаменты означив светлою краскою, а невежественные -- темною⁵. Вот такую карту желаем мы составить из нашей критической статьи для романов г. Лажечникова. Пусть всякий поверяет наше мнение собственным своим мнением.

Еще не успели мы забыть удовольствия, которым насладились при чтении "Ледяного дома",